

Бредихин Сергей Николаевич

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

В данной работе рассматривается частный лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне, с учётом отображения интеллектом условно-рефлекторной деятельности языка. Делается попытка рассмотрения нетривиального грамматического смыслопорождения, активизирующего скрытые потенции языка и заставляющего реципиента включаться в феноменологическую рефлексию третьего уровня абстракции о парадоксальных явлениях функционирования механизмов смыслопорождения внутри одной и той же лингвокультуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 29-33. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Aldridge J. Of Many Men. M.: Jupiter-inter, 2001. 198 p.
2. Chase J. H. Come Easy - Go Easy. M.: Iris Press, 2004. 368 p.
3. Conrad J. The Secret Agent. UK: Penguin Books, 1994. 372 p.
4. Fitzgerald F. S. Great Gatsby. M.: Астрель; АСТ, 2004. 356 p.
5. Fowler H. W. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford: Clarendon Press, 1980. 370 p.
6. Fowler H. W., Fowler F. G. The King's English. Oxford: Oxford University Press, 1990. 367 p.
7. Gowers E. The Complete Plain Words / revised by B. Fraser. Harmondsworth; N. Y.; Ringwood: Penguin books, 1987. 332 p.
8. Haily A. Wheels. N. Y.: Doubleday & Co, Inc., 1971. 264 p.
9. Johnson E. D. The Handbook of Good English. Washington Square Press, 1991. 429 p.
10. Kane T. S. The New Oxford Guide to Writing. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1988. 483 p.
11. Lawrence D. Selected Prose. M.: Менеджер, 2000. 208 p.
12. Lewis C. S. The Chronicles of Narnia. The Horse and this Boy. M.: Iris Press, 2003. 245 p.
13. Mansfield K. The Wind Blows. СПб.: Союз, 2000. 128 p.
14. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. London – N. Y.: Longman, 1992. 1780 p.
15. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. London – N. Y.: Longman, 1972. 1767 p.
16. Segal E. Love Story. M.: Iris Press, 2004. 164 p.

**OPTIONALITY IN PUNCTUATION ASPECT
(BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)**

Bilyalova Al'bina Anvarovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kazan' (Volga Region) Federal University in Naberezhnye Chelny
abill71@mail.ru

The author considers the problem of optionality in the sphere of the English punctuation, shows that the logical-communicative nature of punctuation system in the English language conditions the optional use of punctuation in the English sentence, and presents the examples in which the optional use of a comma is most pronounced.

Key words and phrases: English punctuation system; optionality; punctuation marks; optional use of comma.

УДК 81'37

Филологические науки

В данной работе рассматривается частный лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне, с учётом отображения интеллектном условно-рефлекторной деятельности языка. Делается попытка рассмотрения нетривиального грамматического смыслопорождения, активизирующего скрытые потенции языка и заставляющего реципиента включаться в феноменологическую рефлексию третьего уровня абстракции о парадоксальных явлениях функционирования механизмов смыслопорождения внутри одной и той же лингвокультуры.

Ключевые слова и фразы: смыслопорождение; условно-рефлекторная деятельность; гиперпарадигма; интенция; узус; феноменология.

Бредихин Сергей Николаевич, к. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
bredichinsergey@yandex.ru

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ
НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ[©]**

Культурологическая маркированность лексических единиц наиболее ощутима. Рассуждения о языковой картине мира обычно подкрепляются многочисленными примерами именно лексического уровня. Этому есть вполне объяснимые причины. «Лексика сильнее грамматики», – утверждает Ю. Д. Апресян [1, с. 637]. Она заполняет все видимое, осязаемое пространство языка. Она проще для понимания в силу того, что прямо, в отличие от грамматики, отражает внешний мир, давая наименования его элементам. Грамматика не столь прямолинейна, однако лингвисты признают, что «каждый язык уже самой системой своих словоизменительных категорий подталкивает говорящего к выражению тех, а не иных определенных смыслов» [11, S. 234]. Грамматика скрывает в себе механизм членения, познания действительности, являя собой алгоритм представления действительности. Более того, она занимает в понимании лингвистов центральное положение

в общей конструкции языка, будучи, наравне с фонетической системой, наименее подверженной влияниям извне. Соответственно, в ней наиболее ярко и в наиболее чистом виде должен предстать «дух народа», ибо грамматика, и в особенности морфологическая основа языка, остается чуждой внешним влияниям.

Все вышеперечисленные аргументы подводят лингвистов к тому, чтобы попытаться установить четкое соотношение грамматики и этнофилософии. Исследования грамматики с целью выявления национальной специфики базируются на гипотезе о том, что «не все языки грамматикализованы на одной основе» [3, с. 31]. Каждый язык по-своему устанавливает «различие между структурами действительности, структурами сознания и структурами языка» [Там же], поскольку механизмы сознания не единичны, и возможна реализация различных опций. Связь языка и мышления, грамматических репрезентаций логических построений может привести исследователя к поверхностным выводам, однако сопоставительные исследования языковой картины мира и национально-языковой специфики однозначно говорят о том, что культурологическая маркированность грамматики гораздо более тонкого свойства. «Грамматика выделяет и классифицирует различные аспекты опыта и изучает их выражение в языке. Более того, она выполняет ещё одну важную функцию: она определяет, какие аспекты того или иного опыта должны быть выражены в языке» [8, с. 231].

Как известно, отношение человека к миру определяется смыслом. Именно смыслы образуют культуру. Ср. высказывание М. Бубера: «Культура есть универсальный способ, каким человек делает мир “своим”, превращая его в Дом человеческого (смыслового) бытия» [2, с. 61]. Таким образом, весь мир превращается в носителя человеческих смыслов, в мир культуры. Э. Д. Сулейменова выделяет следующие основные характеристики смысла: недоступность смысла в прямом наблюдении; инвариантность смысла, выражающаяся в возможности перефразирования, иносказания, любых других преобразований, осуществляемых в любом языке; актуальность смысла, его ситуативность и субъективность; неполная эксплицируемость смысла так же, как и недоступность полному восприятию; концептуальность смысла, его включенность в единую (общечеловеческую) систему знаний (картину мира) и возможность существования над языками. Как мы видим, столь обширное количество параметров смысла и непрерываемая его зависимость от структуры сознания, а значит и от мировосприятия ставит нас в жёсткие рамки обязательного привлечения лингвокультурологического аспекта к исследованию той или иной области языка и, бесспорно, грамматики как глубинной структуры языка, исконной для каждого языкового супертипа (в наименьшей степени подверженной влиянию извне).

Согласно идеям Дурст-Андерсена, изложенным им в работе «Ментальная грамматика и лингвистические супертипы», «...грамматические системы разных языков грамматикализованы, но на основе структур сознания, которые, каждая по-своему, отражают определенные структуры действительности» [3, с. 31]. Все это позволяет некоторым лингвистам даже утверждать, что «грамматика манипулирует интеллектом» [Цит. по: 4, с. 136]. Появление столь однозначных заявлений обусловлено несомненной трудностью, которую представляет грамматика с точки зрения анализа ее национальной специфики. Закрепляя в грамматическом значении обязательное для выражения, грамматика членит внеязыковую действительность и представляет ее в определенной, уже языковой форме. Р. Якобсон отмечает, что «основное различие между языками состоит не в том, что может или не может быть выражено, а в том, что должно или не должно сообщаться говорящим» [8, с. 233], соответственно, «любое различие в грамматических категориях несет семантическую информацию» [Там же, с. 235]. И эта семантическая информация культуроносна в том смысле, что она отражает способ концептуализации действительности, принятой и закреплённой для употребления в той или иной национально-языковой общности. При этом намечаются различные подходы к выявлению и дальнейшему изучению национальной специфики грамматики. Грамматическая форма, как и всякая языковая форма, будучи знаком, характеризуется планом выражения и планом содержания. Соответственно, культуроносность грамматической формы может проявляться как в плане выражения, так и в плане содержания. Кроме того, национальная специфика грамматики может проявляться в предпочтительности, большей употребительности той или иной формы.

Согласно теории П. В. Дурст-Андерсена, «грамматические категории и синтаксические структуры отдельного языка построены на одном из следующих элементов: либо на коммуникативном намерении говорящего, являющемся симптомом, т.е. отражением его эмоций и мыслей, либо на сообщении, предназначенном для слушающего и представляющем собой сигнал в его адрес, либо на ситуации, символом которой служит структура предложения такого языка» [3, с. 31]. При этом структура каждого конкретного языка указывает на одну из функций: на говорящего, слушающего или на реальность. Таким образом, каждая из перечисленных функций представляет собой супертип, характеризующийся в системе категорий вида, времени и наклонения. Супертип представляет возможности различных реализаций в виде той или иной системы в силу разных подходов к одному и тому же явлению и разного рода обобщений. Соответственно, национальная специфика языка в отношении к грамматике манифестируется, прежде всего, на уровне супертипа и системы.

Норма и речь также могут обнаруживать специфичность, которая, тем не менее, не носит столь полномасштабного характера. Такой взгляд на грамматику позволяет сделать вывод о ментальной специфике грамматики, о соотношении грамматики и ментальных особенностей осознания действительности.

Достоинство описанного подхода в его попытке цельного взгляда на явления грамматического порядка, который состоит в том, что «центральные категории языка должны выводиться не из членов и структур предложения, а из трех главных категорий глагола (наклонение, вид, время), которые детерминируют другие категории и синтаксические структуры языка в том смысле, что они должны находиться в гармонии с детерминирующей категорией» [Там же, с. 41]. Так, исходя из положений изложенной здесь теории, английский язык может быть отнесен к языкам, ориентированным на слушающего с точки зрения участников

коммуникации, где выбор представлен между говорящим, слушающим и предметом/ситуацией реальности. С точки зрения ситуации действительности, которая может иметь три разные манифестации в человеческом сознании – по форме восприятия, ментальной модели и архивному месту, – английский язык ориентирован на разные ментальные архивы. Таким образом, совершенно естественно английский перфект становится приоритетным для определения супертипа английского языка. Временная система английского языка с противопоставленными формами перфекта-имперфекта получает логичное объяснение с точки зрения концептуализации мира, с одной стороны. С другой стороны, она находит соответствующие манифестации в других элементах грамматической системы, таких как артикль, противопоставленность *ing*-овой и простой форм и ряде других синтаксических конструкций. Грамматическая система английского языка основывается на уровне ментального архива, в котором хранится информация о настоящих и прошлых ситуациях, и требует выбора в системе временных категорий между актуальностью / неактуальностью ситуативных данных. Информация предложения должна быть соотнесена со старой или новой, известной или неизвестной для слушающего. В отличие от экспрессивной (соотносимой с говорящим) и репрезентативной (соотносящей язык с предметами и ситуациями реальности) функций, английский язык реализует апеллятивную функцию языка, то есть функцию, соотносимую со слушающим.

Данная теория супертипов позволяет определить ментальную специфику языка и установить соотношение между осознанием действительности и конкретными языковыми формами, представленными в том или ином языке. Английский язык как супертип ориентирован на слушающего в отличие от говорящего или реальности. Референция осуществляется с внутренним миром слушающего. Данные выводы, особенно применительно к категории определенности/неопределенности, подтверждаются и выкладками У. Чейфа. Так, функциональной мотивацией категории определенности он считает отождествимость: «Отождествимыми считаются референты, которые, по мнению говорящего, могут быть отождествлены слушающим» [Цит. по: 4, с. 131].

Абсолютно другую направленность имеет японский язык как язык бесконечного, в котором не существует не только различий (грамматически эксплицируемых) результата и процессуальности, но и различий в формах настоящего и будущего. Таким образом, грамматическая система японского языка строится на реализации репрезентативной функции, что подтверждается тем, что объектом внимания оказывается единичное и конкретное, а не абстракция. Отсутствие грамматических средств для образования слов абстрактной семантики подтверждает указанную особенность. В восточной культуре самые важные смыслы находятся за пределами слова, и на них можно только намекать. Именно эта особенность японской языковой системы дает возможность использования иероглифа в качестве морфемы составного слова, придавая ему «сакральный» смысл, а смыслы в японском языке рождаются в отличие от «европейских» языков отнюдь не в канве речетворчества – они заложены в каждом используемом в качестве морфемы иероглифе.

Согласно мнению Г. Н. Миловановой, «японская специфика в этом случае проявляется в том, что детализированные понятия часто выражаются не словосочетаниями, а отдельными словами» [6, с. 15–16]. Так, иероглиф 語 (го) входит в качестве компонента в большое количество слов, выполняя роль морфемы. Особенностью японского языка при таком словообразовании является то, что список слов, в которых 語 (го) входит в качестве элемента, является открытым. Нас этот случай интересует с той точки зрения, что смыслы в японском языке «рождаются» не столько в контекстах, сколько в самих иероглифах и в их сочетаниях, образующих слова.

Приведем в качестве примера несколько случаев использования иероглифа 語 (го) в качестве морфемы в составе других слов. В действительности, количество таких примеров исчисляется десятками, при этом возможны окказиональные образования как сложение морфем китайского происхождения. Ср.:

語句 – слово/ слова и предложение; выражение;

語氣 – тон, ударение, манера говорения;

語学 – лингвистика, языкознание;

語り べ – профессиональный рассказчик (в древней Японии);

語り 物 – мелодрама; рассказ;

語脈 – взаимоотношение между словами/ взаимосвязь слов;

語釈 – объяснение слов;

語感 – основа, корень слова;

語弊 – неподходящее выражение, недопонимание;

語頭 – первая часть слова и т.д.

Подчеркнем еще раз, что в восточной культуре самые важные смыслы находятся за пределами слова, и они могут быть только имплицированы. Со всей очевидностью можно утверждать, что «намекание» происходит не только на лексическом уровне, но и на уровне грамматики (как морфологии, так и синтаксиса). Объектом внимания оказываются единичное и конкретное, а не абстракция. Отсутствие грамматических средств для образования слов абстрактной семантики подтверждает указанную особенность.

Определение принадлежности языка к тому или иному супертипу и, соответственно, установление различной степени и способа грамматикализации, изучение гиперпарадигм (термин Р. З. Мурасова) представляют собой один из возможных подходов к описанию национальной специфики грамматики. Так, в результате проведенного в этом русле анализа Р. З. Мурасову удаётся выделить культурологическую компоненту одной из грамматических форм прошедшего времени в башкирском языке. Она связана с передачей ностальгического оттенка меморативно-эпического прошедшего времени [7, с. 72–73].

Существо другого подхода к определению лингвокультурологической специфики грамматики сводится к тому, что она может быть идентифицирована в результате функционального анализа единиц грамматической системы, анализа, учитывающего ситуацию коммуникации. Учет коммуникативной ситуации дает возможность дополнить и расширить классические толкования и интерпретации единиц грамматической системы новыми понятиями и выводами. Учет ситуации коммуникации посредством построения «личной сферы говорящего», введения позиции наблюдателя дает основание сделать вывод о национально-культурной специфике грамматической системы того или иного языка. Личная сфера говорящего представляет собой «относительно самостоятельный фрагмент наивной модели мира. В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании. Личная сфера говорящего подвижна – она может включать большее или меньшее число объектов в зависимости от ситуации» [1, с. 645–646].

В языке словарный состав определяет содержание, а грамматика – форму мышления. Как и некоторые слова в содержательном моменте, так и грамматика содержит некое количество необходимых общих связей, которые позволяют выразить мысль. Для человека «знающего» представляются более тонкие и спорные возможности, позволяющие выходить за рамки обыденного познания, изменять форму мышления, но изменение формы мышления в соответствии с изменением мировосприятия (картины мира), которая является основополагающим элементом лингвокультуры каждой нации, будет меняться перечень грамматических категорий, их общий состав и парадигма взаимоотношений внутри системы.

Конечно, трудно соблюсти все условия для придания на первый взгляд чуждому (основанному на другой картине мира) мышлению статуса признанной формы мысли; при этом ни согласно различению множества форм жизни и воззрений, ни согласно базовой интерпретации мира в языке, в искусстве и науке Кассирера, ни ей же в родном языке по Гумбольдту, Вайсгерберу нет возможности координировать «парадоксальный» образ мысли. По-другому представлено это у Лайзеганга, который исходит из того, что отдельно взятый человек понимает форму жизни как присущую только ему. При этом понимание всех областей сводится лишь к индивидуальной форме. Лайзеганг находит у представителей различных культур повторяющиеся формы мышления, основывающиеся на философии, религии, литературном и естественнонаучном наследии. Один из этих образов мышления, который Лайзеганг извлек из текстов Гераклита, апостола Павла и Гёте, объединяет в себе признаки «универсального» мышления. Мы, однако, не пытаемся дать историческое описание этой формы мысли и её проявлений у различных мыслителей. Эта форма мышления известна у Будды, Лао-Цзы, Гераклита, Павла, Экхарта, Гёте, Кьеркегора, Ницше, но имеются и трактаты, которые связаны исследовательскими моментами с этими течениями.

Мы можем констатировать, что «выходящие за пределы разумного» мыслительные содержания обусловлены особой формой мышления. Гроос основывается на следующей черте, которая должна приниматься во внимание при анализе феномена речи, – это момент новизны мыслительного содержания. Содержательно новые мысли контрастируют с общепринятыми суждениями, и это противоречие выражается автором в парадоксальной на первый взгляд форме, афористическом подчёркивании, в оксюмороне, привлечении внимания реципиента речи, где это только возможно. В этом феномене греческое значение слова *παράδοξος* ещё отчётливее, вопреки ожиданиям или общепринятому мнению. Например, Мартин Хайдеггер, который особенно в «Бытии и Времени» рассуждает о новых содержаниях и представляет новую форму мышления, часто противопоставляет «парадоксальный» взгляд ортодоксальному.

Свободное установление и нарушение собственных правил и предписаний является характерным приёмом каждый раз меняющейся лингвокультуры (в попытке рассмотреть грамматическое смыслообразование на основе различных языков). Морфологические характеристики новообразованных слов обусловлены синтаксисом – контекстными употреблениями, сопровождающимися развертыванием новых смыслов. «Языковая игра» на уровне грамматики обнаруживает себя посредством разнообразных приёмов, обеспечивающих формы лингвокультурно обоснованной мыслительной деятельности.

Отношение к языку, которое задается «иным» мышлением, ведет к расширению границ уже самого языка. Нетривиальное грамматическое смыслопорождение активизирует скрытые потенции языка, заставляет размышлять о противоречивых, парадоксальных явлениях его функционирования внутри одной и той же лингвокультуры. В подобном смыслопорождении активно проявляются намерения языковой личности к переосмыслению старых форм и созданию новых. В последующих работах представляется интересным проследить тенденции изменения различных языков в отношении того, будут ли они осуществляться в русле «вскрытых» тенденций «нарушения» языковой нормы.

Таким образом, национально-культурная специфика грамматической системы языка выявляется в результате коммуникативно-функционального описания языкового знака с учетом его прагматики. При этом внимание к прагматике дает возможность исследовать единицы грамматической системы в корреляции с говорящим, адресатом и самой ситуацией общения. Иными словами, классические толкования традиционных грамматик приобретают национально-культурную окраску в результате описания специфики «действия» грамматических единиц в акте коммуникации конкретного языка.

Список литературы

1. **Апресян Ю. Д.** Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды: в 2-х т. М.: Гнозис, 1995. Т. 2. С. 629–650.
2. **Бубер М.** Я и Ты. М.: Наука, 1993. 173 с.
3. **Дурст-Андерсен П. В.** Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 30–42.
4. **Кибрик А. А.** Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
5. **Мельчук И. А.** Курс общей морфологии. М. - Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 1998. Т. II. 544 с.
6. **Милованова Г. Н.** Концептуализация понятий «язык» и «родной язык» в языковой картине мира (на материале русской, немецкой и японской лингвокультуры): автореф. дисс. ... канд. филол. н. Нальчик, 2005. 18 с.
7. **Мурясов Р. З.** Сопоставительная морфология немецкого и башкирского языков. Глагол. Уфа: РИО БашГУ, 2002. 172 с.
8. **Якобсон Р.** Взгляды Боаса на грамматическое значение // Якобсон Р. Избранные труды. М.: Прогресс, 1985. С. 231–238.
9. **Hannaу А.** To see a mental image. // Mind. 1973. Vol. 82. № 326. P. 161–182.
10. **Jespersen O.** Language. It's Nature, Development and Origin. L.: George Allen & Unwin Ltd., 1925. 448 p.
11. **Leisegang H., Gouillard J.** La Gnose/ Die Gnosis. Paris: Payo, 1951. 264 S.

LINGUO-CULTUROLOGICAL ASPECT OF SENSE CREATION ON GRAMMATICAL LEVEL

Bredikhin Sergei Nikolaevich, Ph. D. in Philology
North Caucasian Federal University
bredichinsergey@yandex.ru

The author considers the particular linguo-culturological aspect of sense creation on the grammatical level, taking into account the reflection of conditioned reflex activity of the language by intellect, and undertakes the attempt to consider the non-trivial grammatical sense creation, which activates the hidden potentialities of language and forces the recipient to be included in phenomenological reflection on the third level of abstraction of the paradox phenomena of sense creation mechanisms functioning within one and the same linguo-culture.

Key words and phrases: sense creation; conditioned reflex activity; hyper-paradigm; intention; usage; phenomenology.

УДК 811.133.1'01

Филологические науки

В статье говорится об особенностях передачи волшебства во французских сказках как основы для актуализации важнейшей функции главного героя – преодоления испытания. Описаны тематические группы, в которых представлены лексемы, номинирующие волшебство: волшебные существа, волшебные средства, сказочное место, где происходит испытание героя. На основе проведенного исследования автором выявлена как положительная, так и отрицательная роль феномена «волшебство» в процессе испытания героев французских сказок, охарактеризован лексический уровень лингвосемиотического пространства сказочного дискурса на уровне волшебства.

Ключевые слова и фразы: волшебная сказка; волшебство; испытания героя; сказочное пространство; лингвосемиотическое пространство; сказочный дискурс; позитивная и негативная оценка; эпитеты.

Брейгер Юлия Михайловна

Волгоградский государственный университет
julia.breyger@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА «ВОЛШЕБСТВО»
НА ЭТАПЕ ИСПЫТАНИЯ ГЕРОЕВ ФРАНЦУЗСКИХ СКАЗОК[©]**

Волшебство в сказках – явление неоднозначное. В сказках происходит борьба доброго волшебства с волшебством злым, и добро побеждает зло. Эта борьба – движущая сила волшебной сказки, поскольку герой преодолевает испытания во многом благодаря волшебным помощникам и предметам. Но существует и третий компонент волшебства – сказочное пространство, и оно непосредственно участвует во всех испытаниях героя. Герой волшебной сказки в какой-то момент доходит до границы, отделяющей обыкновенный мир от иного, сказочного, в котором с ним начинают происходить необыкновенные события, требующие от него силы, воли, ума, мужества, то есть начинается процесс инициации героя, преодоления им моральных и физических испытаний: Мальчик-с-пальчик попадает с братьями в страшный неведомый лес, а затем в замок людоеда; Золушка попадает в мир волшебства с момента своих превращений в принцессу; капризная и легкомысленная принцесса из сказки «Желтый карлик», выйдя за стены дворца и попав в плен к злому карлику и злой фее, проходит трудный путь испытаний, который совершенно преобразовывает ее, заставляет ценить любовь и доброту.